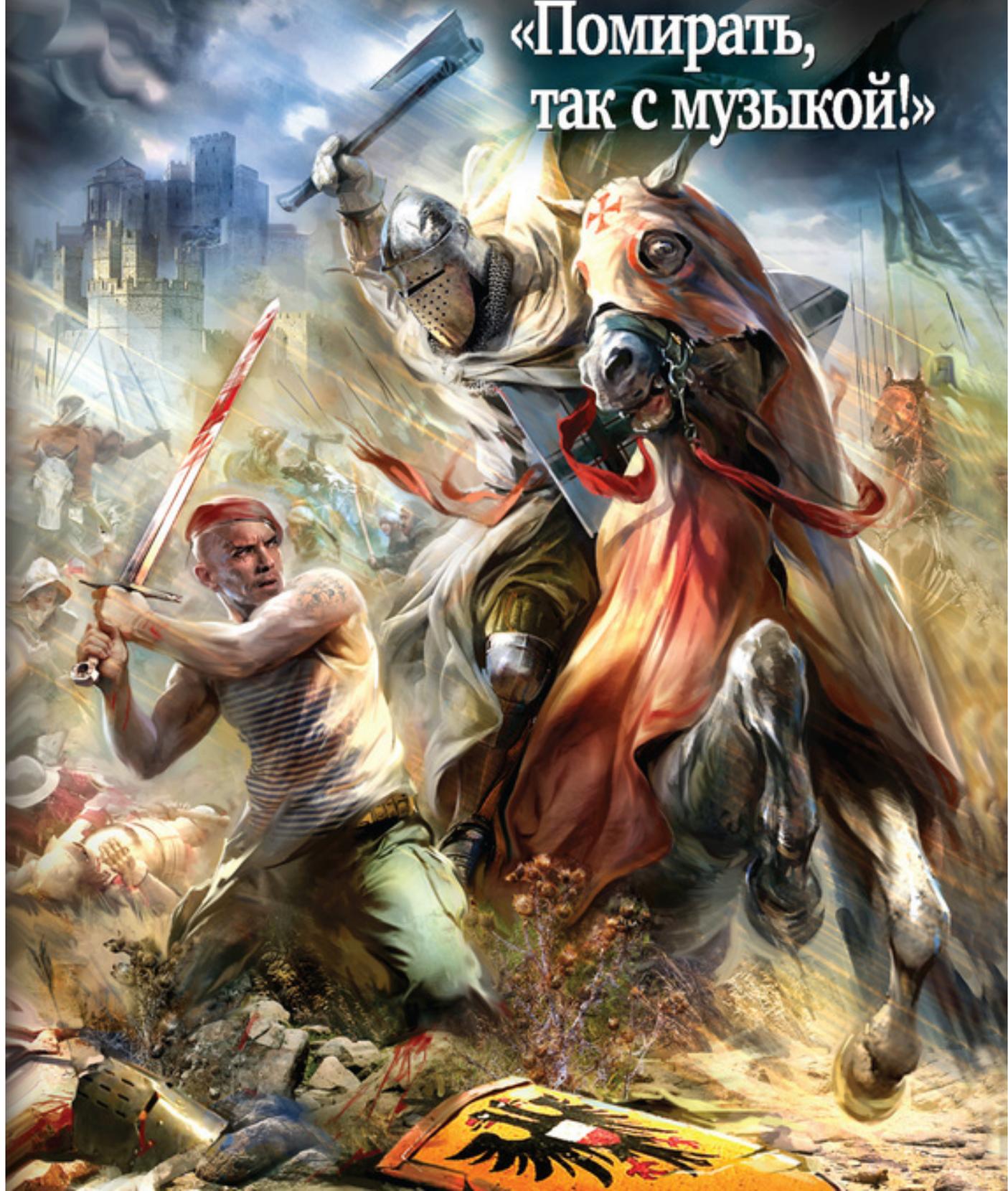

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**ГЕРМАН
РОМАНОВ**

Меч без ножен

«Помирать,
так с музыкой!»

Герман Романов

**Меч без ножен. «Помирать,
так с музыкой!»**

«Яуза»

2013

Романов Г. И.

Меч без ножен. «Помирать, так с музыкой!» / Г. И. Романов — «Яуза», 2013

Он заброшен из нашего времени в альтернативное Средневековье один и без оружия. Он стал Командором рыцарского Ордена Святого Креста во враждебном Антимире, где христианская Европа и Русь разгромлены мусульманами, а папство вырождается в ересь, замешенную на колдовстве и черной магии. Его смерти желают и арабские завоеватели, и польские паны, и тевтонские «псы-рыцари». За его головой охотятся и наемные убийцы, и чернокнижники, и продажные ксендзы. Но ветеран советского спецназа не сдастся даже в самых отчаянных ситуациях и на требование сложить оружие отвечает по-русски: «Помирать, так с музыкой!»

© Романов Г. И., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Герман Иванович Романов

Меч без ножен. «Помирать, так с музыкой!»

Часть первая

«А НА ВОЙНЕ НЕ РОВЕН ЧАС»

Глава 1

Лютый холод впивался в тело тысячами острейших иголок, словно сотворенных из арктического льда. Зубы Никитина сами по себе выбивали замысловатую чечетку и, казалось, готовы были немедленно выскочить из десен вместе с обрывками кровотокового мяса, а затем рассыпаться в мелкую каменную крошку.

– Какая му́ка...

Андрей, кое-как ворочая замерзшим языком, еле выдавил из горла слова, преодолевая сковавший тело смертный холод, а в голове поползли тягучие, словно густая патока, мысли, как бы говоря ему, что разум еще не застыл в вечном сне.

«А ведь я не утонул на той рыбалке, меня просто сейчас на берег вынесло... Все остальное мне просто приснилось: эти рыцари, крестоносцы, злотые и прочая лабудень! Точно, приснилось – не иначе как в госпиталь ложиться нужно, под системой полежать, а то «крышу» опять снесет... Надо же – и приснится такое!

Блин горелый!

Сейчас встану и до хаты кое-как доплечусь... А там женушка Анна, век бы ее не видеть, сызнова начнет мне плешь проедать да жаловаться на дороговизну книг и электричества... И хряков ее любимых опять начну с ведерка потчевать да помои таскать под ее гневные причитания. Вот стервозная баба – и угораздило же меня на ней жениться!»

При мысли о законной супружнице и возможной с ней встрече Андрея тут же пробил цыганский пот. Даже холод отступил под напором начавшей разогреваться от гнева крови. А потому ему удалось, хоть и с превеликим трудом, разлепить глаза – влага не просто смочила ресницы, она их заморозила маленькими капельками льда.

– Ух ты!

Дневной свет ударил в глаза, словно выжигая их, и он несколько раз моргнул, привыкая. Хорошо, что все небо было затянуто хмурыми тучами, упрятавшими своим толстым покрывалом солнце. Высившаяся перед ним гора, склоны которой были занесены первым выпавшим снежком, показалась ему знакомой до боли.

«Ну, точно ведь, ошибки быть не может! Именно от нее я отправился с другими орденскими воинами в поход к замку «Трех дубов». А вон там и та обходная тропа петлять начала, на которой мне с волкодлаком пришлось схлестнуться!»

– Нет, не «глюки» это! Как хорошо!

После долгой паузы, которая потребовалась Андрею на разглядывание окрестностей и себя, грешного, мысли пришли в определенный порядок и потекли в привычном русле.

«Нет, я конкретно провалился в это альтернативное средневековье, где Киев мусульманской Куйябой стал, а французы с англичанами призывам к намазу у минаретов внимают. Как хорошо, что обратно меня не перебросило в то, с в о е, время – как-то не тянет на запойных

механизаторов в таежном селе смотреть да свою бабу слушать, что до зубовного скрежета надоела. Разве это жизнь? Сплошная тягомотина!»

Мысль о таком прозябании на пенсии обожгла кипятком душу отставного офицера, и он почувствовал, что прежде ледяная кровь, уже с напором включенного на полную мощность брандспойта, заструилась по телу, изгоняя из него холод.

– Ох, грехи наши тяжкие! Так и замерзнуть можно... Вставай, братец, иначе ласты склеишь!

С невероятным усилием Андрей приподнялся – мышцы отказывались работать, словно его плоть превратилась в камень. Но воли было не занимать, и спустя добрую минуту страданий бывший майор СОБРа уже уселся, привалившись спиной к огромному валуну. Затем после трех неудачных попыток он все же исхитрился встать на ноги и пошел мелкими шагами, раскачиваясь, словно взобрался на ходули.

«Так, что мы с вами имеем на данный момент, самозванец хренов, командор новоявленный!»

Никитин мысленно загнул один палец, размышляя о минувшем.

«Арабы отвезли меня сюда, поближе к обжитым землям, а не оставили там, у «Трех дубов». Зачем, спрашивается? А ведь правильно поступили – я сюда лыжи наострил, вот они и услужили. Почему ничего не помню – и как меня везли, и сколько?!»

Андрей потряс головой, пытаясь сообразить – он мог поклясться, что испытывает самое настоящее похмелье, с жуткой болью мыслящего органа на выходе. Он даже вытянул руку вперед, растопырив пальцы – они ощутимо подрагивали.

– Ну дела, как у того алкаша – сходил пописать, а заодно и оргазм словил! – Отставной майор хмыкнул нехорошим смешком и задумался. Он прекрасно помнил, что в рот и капли вина не брал. Да и мусульмане ему ничего такого не предлагали, ибо хмельное питье из виноградной лозы самим Пророком строжайше запрещено.

А тут такое ощущение, словно вечером вчерашним литр водочки без закуси выкушал, целыми стаканами глушил, как воду. Организм самым натуральным образом трясло, словно 220 вольт по нему пустили, электропроводность проверяя.

– Тот отвар, чем меня арабский лекарь потчевал, странный вкус имеет. Весьма нехороший... Вроде маковый?!

Андрей возбужденно топнул ногой, припоминая, как лечили его в шатре столь обходительного с ним и нарочито доброжелательного молодого сотника гулямов – тот вел себя с ним так, словно родного отца встретил или очень дорогого гостя.

Очень подозрительное «хлебосольство»!

– Точно маковый! Как в детстве у рулетиков! А ведь сие есть производное для опиума, в Афгане целые плантации этой дряни было. И здесь она в ходу – на Востоке издавна этим зельем грешили, как и гашишем. Их еще поблагодарить нужно – боль хоть сняли и не «подсадили». А то бы стал Кощеем Бессмертным, у которого смерть на конце иглы...

Никитин хрипло рассмеялся – смех походил на клекот охрипшего ворона – и принялся внимательно рассматривать имеющееся у него имущество, испытывая чувство искреннего удивления.

Все было в наличии – даже меч Иоанна Златоуста, на который Селим-эфенди завистливо и вожделенно поглядывал, прицокивая языком. Более того – арабы тщательно починили и почистили его одежду и даже сапоги с золотыми шпорами рыцаря.

Вот только кривого кинжала-бебута, забранного Андреем у загрызенного волкодлаком предателя, не имелось – тот на самом деле играл какую-то свою загадочную роль в этом деле.

Однако отдалился за него сотник гулямов более чем щедро – персидский ханджар с искривленным лезвием, по которому шел узорчатый булатный узор, был оправлен на рукояти

и ножнах золотом, а в наверху умелая рука мастера вставила большой красный камень, сияющий на своих гранях кровавым блеском.

– Надо же – настоящий рубин! Не страж же ведь, здесь до подделок еще умом не дошли. На сотню злотых потянет, – задумчиво пробормотал Андрей, уже познакомившийся с местными товарно-денежными отношениями, внимательно разглядывая обретенное сокровище.

Потом посмотрел на довольно увесистый мешок, что лежал ранее под его головой. И не мешкая, дернул завязки, распутив горловину, знакомясь с его содержимым.

Вещи Милы, этой неслучайной любовницы, исчезли, его же собственные оказались в полном наличии, даже взятые им в дорогу суровые нитки с большой иглою. Только сухой паек, прихваченный на долгий путь по горам, несколько изменился.

Хотя здесь арабы постарались соблюсти некий паритет – ржаные сухари были заменены такими же сухими, как точильные камни, лепешками.

Соленое сало, щедро сдобренное чесноком, самый ненавистный для правоверных продукт, запрещенный самим Пророком. А потому чья-то заботливая рука подменила шмат длинными полосками вкусно пахнувшего копченого мяса, посыпанного какими-то сухими приправами и редкостным в данных краях красным перцем.

– Неплохо, неплохо, весьма зер гут, – пробормотал Андрей себе под нос, занимаясь нелегким делом: кое-как откусил мясца и еле разжевал, но с нескрываемым удовольствием проглотил.

– Умеют делать венгры что шпик, что баранину! Хотя свинину только в т о м мире они вовсю использовали, а сейчас вряд ли, времена не те. Вино пить и то меньший грех. А вот и оно самое, стоило вспомнить, и довольно приятное...

Тугой, литра на два кожаный бурдюк был наполнен не водой, а тем самым напитком, что Мухаммед не рекомендовал пить правоверным мусульманам. Красным и терпким, сладковатым.

– Великолепная штука, я такого давненько не пил. – Глотнув вина, Андрей утер рукавом рот и стал завязывать ремешок на бурдюке, мучаясь только одним вопросом: и откуда его Селим-эфенди взял?!

Не иначе как особую фетву, то есть специальное разрешение, от имама имеет на распитие вина в медицинских целях – такая практика в исламе имела место.

Пить и есть данное арабами Никитин не опасался ни на йоту – если бы те хотели его умертвить, то не стали бы прибегать к столь изысканному способу, а убили бы просто и без затей, когда он был у них в плену.

Ему даже не стали вменять в вину, что в рукопашной схватке в пещере он убил полдюжины гулямов, наоборот, даже вроде бы как восхищались, что именно с таким врагом им довелось столкнуться.

– Эх, Мила, Мила! Евина ты дочка! Кхм. – Вспомнив о пещере, Андрей невольно закричал. Нет, женщина ему сильно понравилась, но вот в том, что именно ее шаловливая ручонка ему по затылку заехала камнем, майор сейчас не сомневался.

Однако был тут один нюанс. Ведь именно в подобной ситуации она его от Томаша спасла, когда этот тевтонский выкормыш, что уже радовался будущей победе, получил по загривку от тех же милых женских ручек увесистым булыжником...

– А вот это уже просто здорово! За это тебе от ордена Святого Креста большое спасибо!

Селим-эфенди не обманул, не поспешил – два толстых, туго набитых мешочка приятно дзынькнули, лаская своим звоном слух. В одном оказались арабские динары, покрытые замысловатой вязью узоров, прочитать которые он был не в силах, да и мало кто из христиан смог бы это сделать.

В другом мешочке желтели массивные, вызывающие только одним своим видом полное доверие, византийские солиды с двуглавым орлом и бородатым профилем императора в короне. Золото своим тусклым блеском поневоле притягивало взгляд.

– Солидно жить с солидами, – усмехнулся Андрей, ощущая приятную тяжесть мешочков в ладонях. – С полпуда будет, если не больше на чуток. Еще бы – две тысячи золотых монет, и на халяву достались. За то, чтобы я сам себя не зарезал!

Никитин знал, что говорил – арабские динары предназначались в уплату тевтонским наемникам только за то, что те не покусились на его жизнь как командора ордена Святого Креста.

Хотя свое обещание, данное арабам, эти псы-рыцари вероломно нарушили, убитый Томаш, или Курт фон Нотбек, на другой манер, – как признался ему в лицо сам предатель, нацепивший синюю униформу крестоносцев, – тому подтверждение.

Сейчас Андрей остался единственным получателем этих денег и, главное, законным – недаром арабы бебуг на ханджар поменяли. А солиды даны ему лично Селимом, взамен доспехов и оружия убитых гулямов.

Приятно воевать в рыцарские времена, когда враг проявляет столь неслыханное благородство и щедрость! Осталось только громко посетовать на изменившиеся за тысячелетие отношения.

– О времена, о нравы!

Третий мешочек, тощий, как вымя выдоенной козы, Никитин открывать не стал, прекрасно понимая, что трогать его личные деньги, прихваченные в дорогу, арабы не стали. Как и менять положенные туда три десятка серебряных польских грошей на свои полновесные чеканные дирхемы, что не менее ценились даже в христианских землях. Еще бы – и серебра в них чуть больше, и проба выше.

Андрей быстро закидал в мешок с вещами и сухим пайком свои сокровища и уложил туда сверху свернутый рулоном красный орденский плащ с нашитым поверху белым командорским крестом.

Немного подумав, бережно снял со своей груди тяжелую золотую цепь с красивыми эмалированными бляшками, решив, что нечего открыто демонстрировать знаки великого магистра крестоносцев.

Для людей это будет напрасный соблазн, а для самих гор безразлично, что таскает человек на своей вые. Вечны горы, тысячелетиями спокойно вззирающие на людскую возню!

– Как Наполеон в Египте в свое время брякнул? – Андрей на секунду задумался, громко и пафосно продекламировал: – «Солдаты! Сорок веков взирают на вас с высоты этих пирамид!» Вот так-то, знай наших!

Произнеся реплику, Андрей сильной рукою закинул распухший мешок за спину, на плечо повесил колчан с болтами, а сам арбалет взял в правую руку и, придерживая массивный меч левой рукою, бодрым шагом направился по занесенной снежком дороге.

Одно было плохо – столь предупредительные гулямы не оставили ему лошади, а потому придется вспоминать навыки пехотинца, от которых он уже порядком отвык.

Через подземный ход из замка живого коня проташить просто невозможно, так что арабы тут ни при чем – раз не было у него копытного друга, так не было. Зато в ином благородные враги серьезно помогли, да так, что никакого гужевого транспорта не нужно.

– За той горушкой село, так что там я лошадкой живо обзаведусь, все не на своих двоих топтать!

Никитин посмотрел на покрытые снегом склоны, которые проглядывались, впрочем, с трудом – слишком густой шапкой высились зеленые кроны сосен. И лишь там, где облетела листва с ясеней и берез, виднелись белые проплешины – верная примета наступившей зимы.

– Верст десять – часа за три-четыре дойду! – Андрей усмехнулся и, впечатав сапог в хлюпнувший незамерзшей грязью рыхлый снежок, бодро поспешил вперед.

Глава 2

«До сих пор ни хрена не пойму, что за пляски вокруг Боливара, то есть меня, грешного, происходят! Арабы платят тевтонам тысячу золотых, чтобы те не покушались на мою жизнь. Почему?! Если подумать, что Милица работает на мусульман, Штирлиц в юбке, так сказать, то тогда это предположение подтверждается.

И вот еще одна странность, что весьма укладывается в эту версию, – все словацкие замки, где побывала эта женщина, рано или поздно гибнут. Вроде как несчастье одно она приносит?!»

Вопрос был задан, и ответ, как чувствовал Андрей, находится где-то рядом. Потому он упорно размышлял, благо времени было много, а ноги сами отмеряли шаги по дороге. Только сейчас мозг, вернее то, что можно назвать «автопилотом», принял самостоятельное решение, внося свою поправку в выбранный курс.

– Зачем огибать такую широкую долину по тропе, что петляет по склонам, по камням?! Пойду напрямиком, с полем сейчас ничего не будет. Чай, хлеб селяне давно скосили!

Андрей подобрал первое, пришедшее на ум, но единственно правильное, на его взгляд, решение. Прodelывать большой крюк отставному майору не улыбалось, и так пар валил струями от одежды – он даже стал запыхаться от быстрой ходьбы.

И снова принялся размышлять о наболевшем, благо ноги сами трудились, отсчитывая шаги по белому снежку, из-под которого в ответ щедро хлюпала грязь, намытая недавними дождями.

«Сотник гулямов про мой возраст сразу же спросил, чуть ли не первым вопросом! Что, просто вот так поинтересовался, от балды?! Нет, Мила меня ночью тоже спрашивала, а я, как телок, размягчился в ее объятиях, слюни распустил и все выболтал.

Ох, и хитры Евины дочки! И в замке она сонного зелья подсыпала, по крайней мере, мой оруженосец Арни на ее совести. Теперь понятно, как словацкие замки арабы брали!

Это какой-то самый натуральный «троянский конь» в женском обличье, право слово. И охотились они за командором, только меня за самозванца приняли. Причем обоснованно – откуда им знать было, что я есть новый «Лжедмитрий».

Тевтонам за мою жизнь уплатили, хотя те плевать на это хотели. Но важен сам факт! Зачем я им нужен живым, почему они не только не хотят меня убивать, но и другим не дают?

И умно поступили, доставив меня именно сюда, а не отпустив обратно в «Три дуба». Ведь алиби, по сути, подготовили. Там бы я на вопросы отвечал – почему обратно вернулся? Где Милица? А так все просто – в дороге был, а женщину по делу отправил. И никто вопросов не задаст – ибо это есть тайна ордена, а я его «хранитель». Хм...

А ведь они не только просчитали, но и наверняка знают что-то очень важное. Но что?!»

Никитин резко остановился, словно вкопанный, от внезапно пронзившей его душу смутной догадки, тут же стремительно ускользающей из мозга куда-то вниз, чуть ли не в живот, который мгновенно пронзил ледяной холод.

– Твою мать! Какой же я баран!

Критическое замечание относилось не к собственным интеллектуальным способностям, а к той дури, которая у всякого русского бьет через край. Положение отставного офицера сейчас стало не просто серьезным, смертельно опасным, причем в самом прямом смысле слова.

– На хрена меня в трясику понесло!

Андрей утонул в ледяной вонючей жиже, которая настолько быстро поглотила его по грудь, что он не успел толком осознать это. Как и то, что одежда только сейчас стала медленно намочить, обволакивая разгоряченное от ходьбы тело лютым холодом.

– Идиот!

Теперь ему стало ясно, что дорога по склону гор была проложена не просто так и не пашню обходила, а эту гнусную болотину, куда он дуриком влез, чуть ли не на самую середину, воспользовавшись тем, что первый ночной морозец прихватил сверху грязь, а выпавший снежок надежно замаскировал смертельно опасную ловушку.

– Как же я попал!

Ноги словно схватили в тиски, он не мог ими даже пошевелить, и какая-то сила тащила вниз, несмотря на все его отчаянное барахтанье. Он дергался, матерился и плевался, но положение от этого не только не улучшилось, но еще больше усугубилось.

Теперь Андрей не просто утоп по шею – проклятая, вонючая до омерзения липкая грязь облепила ему все лицо, залила глаза, лишив возможности видеть. В таком положении он еще не был ни разу в жизни, и отчаяние придало ему сил.

– Хана...

Силы внезапно иссякли, он даже не представлял, сколько времени он боролся с трясиной.

Но теперь все – безвольно раскинув свои руки в стороны, словно расстрелянная картечью птица, Андрей мысленно попрощался с жизнью. Смерть в омерзительной жиже его хоть и ужасала, но майор сражался до конца, пока полностью не обессилел.

Вскоре предстояло принять неизбежное, без скулежа и причитаний, как надлежит воину. Ведь главное не только жить достойно, нужно и погибать с гордо поднятой головой.

– Писец!

Никитин выплюнул забившую рот жижу, на секунду с горечью пожалев, что лучше утонуть в воде, а тут запах как в канализации. Недаром самураи себе делали харакири, сеппуку то есть, при свете солнца, вдыхая запах чистого воздуха, любуясь на солнышко.

Эстеты эти японцы, мать их за ногу! Их бы в это дерьмо, с головой по макушку окунуть, чтоб рвало от тошноты, наизнанку выворачивало. Да еще глаза с ноздрями этой мерзостью намазать – вот тогда бы они поняли, что ритуалы не выбирают!

Это им не игрушки – фигурки показывать!

– Боже мой! Помоги!

Слова вырвались произвольно. Андрей, ожидая, как в его торчащий на поверхности рот вольется омерзительная жижа вместо живительного последнего глотка воздуха, с немалым изумлением понял, что дальше в глубину он не погружается.

Более того – что-то довольно крепко поддерживало его спину, не давая ей проваливаться вниз. Да и ноги неожиданно освободились от тисков и теперь медленно, по сантиметру, преодолевая густую вонищу, устремились к поверхности.

– Ух ты, подействовало!

Столь быстрая помощь на его отчаянный призыв к небесам привела бывшего офицера (что одно время в молодости являлся заядлым атеистом и этим бравировал, но только до первой войны и пролитой крови, после которой чуть ли не все военные моментально обращаются к Богу) в глубокий религиозный экстаз.

Никитин принялся с необычайной торопливостью читать все молитвы, которые помнил – и на латыни, и на церковнославянском, сочетая их с призывами на чисто русском языке. Ведь когда прижмет, поневоле вспомнишь очень многое...

– Ну надо же!

Сколько времени прошло, Андрей не помнил, так же как и не ощущал своего окаменевшего от холода тела. Утреннее пробуждение показалось ему сейчас нахождением в хорошо протопленной баньке, а ведь он еще жаловался. Недаром говорят, что все познается в сравнении!

Только сейчас он понял, почему еще не утонул в трясине, а лежит на ее поверхности наподобие Андреевского креста, раскинув буквой «Х» ноги и руки по сторонам.

Плащ, свернутый в рулон, в туго завязанном кожаном мешке, несмотря на полпуда тяжести в виде золота, сыграл роль поплавка. Так же как и штаны из того же материала, надувшиеся воздушным пузырем, вытянули его ноги на поверхность.

Правда, без добротных сапог, которые своими золотыми рыцарскими шпорами зацепились за какую-то корягу. И очень кстати, что попали именно на нее – ведь благодаря этому ему и удалось их сдернуть с ног.

«Если я так и буду неподвижно лежать, то вскоре одубею окончательно. Нужно хоть как-то пошевелиться и вытереть лицо – а то ни хрена не вижу!»

Мысль показалась Андрею здоровой, и он приподнял правую руку, медленно сгибая ее в локте. Неустойчивое и без того положение резко изменилось – «поплавков» за спиной немедленно устремился к поверхности, и промедли Андрей хоть мгновение, его бы перевернуло лицом вниз. И тогда все – захлебнулся бы дрянью за секунды.

– Твою мать!

Преодолевая чудовищную боль в задубевших от лютого холода мышцах, он успел вернуть свою руку в первоначальное положение и тем самым спас себя. Весь ужас сложившегося для него положения он осознал полностью, но думал уже спокойно, без истерики, как повели бы себя в такой ситуации многие другие.

«Я могу продержаться на поверхности долго, очень долго – пока мешок и штаны не пропитаются грязью и оттуда не уйдет весь воздух. Но раньше окочурюсь от холода, потому что уже плохо чувствую тело. Однако если начну шевелиться, хоть как-то попытаюсь разогреться, то немедленно перевернусь и утону. Что выбирать – и так ясно!»

Андрей застыл на черной поверхности трясины, глотая ноздрями гнилостную вонь и беззвучно читая молитвы еле шевелящимися губами – теперь ему осталось уповать только на одно...

Глава 3

– Пся крев! Ты когда научишься, холоп, правильно очаг топить?! Песья кровь – я тебя сам сейчас поучу!!!

Конрад Сартский грязно выругался и сильным ударом кулака свалил с ног костлявого и худющего, будто скелет, востроносого, как галчонок, парня с вечно голодным взглядом, бережно прижимавшего к груди большую охапку дров.

– Простите, ваша милость!

Паренек, рассыпав поленья, припал к сапогам властного магната, стремясь их обнять. Но пан в раздражении дернул ногой, и холоп окаменел от ужаса, ожидая новых побоев.

Последние две недели челядь просто сходила с ума от бесконечного ужаса, не зная, чего ожидать от словно взбесившегося магната. И без того несладкий характер пана стал совсем свирепым, как у голодного волка – собственноручно избивал по любому поводу и без повода, а два раза даже до смертоубийства дошло.

Одного холопа, что нечаянно опрокинул бадью в колодец, магнат убил ударом кулака, попав в сердце, а второго приказал забить батогами – не уследил, бедолага, за конем.

Так что парню еще радоваться нужно было, ведь побои для кабальных холопов, вечных и бесправных рабов, дело привычное, житейское, так сказать – кому больше, кому меньше, но достается всем и всегда, за любой реальный или мнимый проступок, как господину заблагодарсудится. И за убийство их никто осуждать не будет!

– Сложи поленья, скотина! В очаг подложи вначале!

Сартский пнул закопошившегося на полу парня носком сафьянного сапога и отвернулся.

Накопившееся за последние часы раздражение схлынуло. На душе стало легче, но потом, как он знал, снова не будет находить себе места от нетерпеливого ожидания.

Должен же ведь наступить и час его триумфа, когда получит долгожданное известие, что целый хирд свирепых северных викингов напрочь вырезал и испепелил мятежное Белогорье, что словно заноза отравляло ему жизнь уже долгие годы!

– Сегодня, всяко разное сегодня...

Магнат зловеще прошипел сквозь крепко стиснутые зубы и посмотрел на избитого в кровь холопа, что преувеличенно старательно складывал березовые поленья у зева огромного камина, внутри которого уже весело плясали большие языки пламени.

Замок ведь каменный, в зимние холода насквозь промораживается. Так что простыми печами здесь никак не обойдешься. А вот открытый очаг не только быстро согреет огромное помещение, но и для других надобностей легко послужит.

В таком камине запросто можно целого быка на вертеле зажарить, что здесь неоднократно проделывалось долгими зимними вечерами, когда в зале собиралась вся его многочисленная шляхта и устраивались бесконечные пиршества.

– Пошел вон, дурень!

Холоп низко поклонился и, стремительно пятясь спиной, выскочил из зала, тихо прикрыв за собою толстую дубовую дверь, а Сартский медленно прошелся вдоль длинного массивного стола, хрустя костяшками крепко сжатых кулаков. Настроение у него почему-то опять стало портиться...

– Пан Конрад, у меня вести из Бяло Гуру!

Голос кастеляна вывел магната из размышлений, и он стремительно обернулся. Ярослав Замосцкий стоял перед ним с раскрасневшимся лицом, по губам скользила загадочная улыбка.

Именно она сразу привела пана в возбужденное состояние, и Сартский ликующе выдохнул:

– Судя по твоему виду, вести хорошие?!

– Это с какой стороны посмотреть, ваша милость...

По губам верного шляхтича опять пробежала все та же странная улыбка, но вот глаза вспыхнули нездоровым огнем, и в животе сразу похолодело от плохого предчувствия.

– Да не томи мне душу, Ярослав, не зли!

Сартский возбужденно топнул ногою, чувствуя, как быстро закипает в душе гнев. Кастелян это понял и решил не доводить до греха – магнат мог взбеситься, и тогда было бы совсем плохо.

– Все хирдманы, пошедшие на Белогорье, полегли скопом. Перебили их там две недели тому назад...

– Как все? Их же полторы сотни!

Магнат неверующими глазами смотрел на Замосцкого. В голове такая весть просто не укладывалась! Да и как поверить в нее, если он на собственном немалом опыте знал, что такое воинское умение и отвага этих свирепых северных язычников, каждый из которых в бою трех хороших ратников его дружины стоил.

А потому такое известие доверия не вызывает! Да как его принять-то?! Чтобы какие-то вонючие смерды...

– Сообщение верное, ваша милость, потому что весточек оттуда было три. – Кастелян заговорил быстро, стараясь предупредить назревшую гневную вспышку, которая ударила бы уже по нему самому. И поразила бы страшно – магнат побагровел лицом за пару биений сердца, превратившись на глазах чуть ли не в пыхнувшую жаром свеклу.

– Все наши люди сообщили про то! Но с опозданием, ибо орденцы дороги и тропы обложили «синими» и никого из Белогорья не выпускали, даже в Притулу. Прости меня, ваша милость, я сам только что узнал об этом и сразу же поспешил тебя известить.

– Такой вестью со света извести можно! – Сартский громко задышал, словно рыба, выброшенная безжалостным ловцом на берег, схватившись ладонью за грудь. Теперь магнат полностью поверил кастеляну и понял, что означала столь непонятная улыбка. Потому перестал считать, что тот решил поиздеваться над ним, а спросил уже привычно властным, но нарочито спокойным голосом:

– Как такое могло произойти, Ярослав?!

– Командор обманул всех, ваша милость! Прямо с перевала он отправил обратно в Белогорье два «копья», почти всех арбалетчиков и «синих», а также полсотни лучников. Более того, хирдманов опоили вином, куда подмешали какую-то отраву. И хотя те пили мало, но и этого оказалось достаточно – викинги ползали как сонные мухи, никто не успел в «волков» и «медведей» перекинуться от бешенства. Полторы сотни орденцев и белогорских мужиков их осыпали стрелами и болтами. А потом ударили конницей, у них там «копий» ведь удвоилось, и стоптали всех в грязь!

– Пся крев!

Сартский со всей силы ударил кулаком по столу – боль отрезвила магната и остудила вспыхнувший гнев. Пан сморщился, злобно прошипел, как кот при виде собаки, и посмотрел кастеляну прямо в глаза. Тот стойко выдержал пристальный взгляд, только на тонкие губы опять напозла странная давящая улыбка.

– Откуда у них полторы сотни «длинных» луков и арбалетов, Ярослав?! Где они их взяли, прах тебя подери?!

– Почти три сотни, ваша милость...

– Что?!

– Две сотни длинных тисовых брусков им купец Заволя вместе со стрелами и прочим снаряжением в Бяло Гуру привез. Да и с убитых воинов, что наших, что Завойского, они немало взяли. Но торговец привез мно...

– Старая сволочь! Хрен с хирдманами, я их и сам хотел позже всех вырезать! Но мы из-за него пять сотен золотых потеряли и Белогорья лишились. – Лицо магната пошло багровыми пятнами, и он произнес со страшной угрозой в голосе, жестокой и беспощадной:

– Я покараю этого пса! Где он сейчас?!

– В Кракове, – совершенно спокойно ответил Замосцкий, которого не испугал яростный блеск в глазах сюзерена. – Ты же знаешь, что чешский наместник короля Вацлава ему там сильно благоволит. А потому только с его соизволения купец поставил эти луки, которые, как ты знаешь, у нас любимым селянам запрещено иметь. Но это «серые» крестоносцы...

– Да хоть в крапинку! – прорычал Сартский. – Они из этих двух сотен луков всю мою конницу расстреляют!

– Не меньше трех сотен, ваша милость, – несколько натянуто улыбнулся Замосцкий. – Кроме тиса у них есть еще пять десятков неплохих луков, среди которых клееные арабские, и не меньше полусотни арбалетов. И если фон Верт объединит свои отряды и еще приведет помощь от словаков, которые, пусть ваша милость простит меня за откровенность, вас люто ненавидят всеми своими фибрами, то тогда уже нам придется плохо.

– Если он еще вернется...

– Не стоит его недооценивать, ваша милость. Я до сих пор прихрамываю при ходьбе от удара оглобли, что его светлость по моей ноге нанесли. Кроме того... – Замосцкий настолько странно улыбнулся, что лютей холод заполз пану Сартскому в чрево, а кастелян как ни в чем не бывало продолжил говорить: – Мой краковский друг сообщил, что командор направил в богемские и моравские замки ордена приказ немедленно прибыть всем рыцарским «копьям» в Бяло Гуру. Надеюсь, ваша милость хорошо понимает, что может последовать в ближайшие месяцы, если не недели? Ведь крестоносцы не раз показывали, что не чтят наших ляшских традиций и способны воевать даже лютой зимой! Боюсь, что нас ожидают весьма неприятные времена...

– Я понял тебя, Ярослав. – Сартский полностью успокоился, его глаза зажглись огнем неукротимой свирепости. – Ты предлагаешь ударить сейчас, пока отряды крестоносцев не вернулись с той стороны гор?! Но одной дружины будет мало, раз они хирдманов извели...

– Мало, я согласен с тобою. Однако удар нанести нужно. Да, это очень трудно, нам нужно какое-то время для сбора ополчения. Недели две или три хватит. А меньшими силами, тут ты прав, одной дружиной без подручных панов вашей милости идти походом нельзя!

– Еще бы, Ярослав, полторы сотни викингов тому ярким примером являются! – Сартский хищно оскалился. – Но ты прав полностью – нельзя допустить, чтобы крестоносцы объединились. Их нужно упредить, и мы сделаем это. А командор не должен вернуться из-за Карпат...

– Но как ты его там удержишь?!

Замосцкий впервые повысил голос на пана, но магнат игнорировал такую непочтительность, понимая, что кастеляном движут лишь интересы дела да жгучее чувство ненависти, что тот испытывал к командору фон Верту, их общему врагу.

– Я знаю, кто нам поможет!

Сартский яростно сверкнул глазами, заметив, что его храбрый кастелян, зная почти обо всех тайнах своего господина, сообразил, куда он клонит. Замосцкий побледнел и крепко прижал ладонь к груди, там, где у него висел нательный крестик.

Да и сам пан тут же истово перекрестился – уж больно ему самому не хотелось ехать на дальнее болото, где он не единожды испытывал чувство страха, неведомого им ни в каком бою или даже поединке с намного более сильным врагом. Но что ж делать, если так прижало!

Глава 4

– И что он туда полез, Фридрих?

– Мало ли идиотов на свете ходит, Ингвар?! Давеча тоже одного видели – помнишь придура, что со скалы сиганул вниз, крылья из перьев аиста себе на руки соорудив!

– Тоже мне птицей стать захотел, ха-ха! Вровень с ангелами пресветлыми встать?! В коровью лепеху превратился, хоть землю сверху присыпали. Птенчик нашелся, ха-ха!

Громкий хохот вывел Андрея из чувства полного оупения. Он чувствовал, что умирает, его тело давно превратилось в ледяной камень, но спасительный сон вечного забвения никак не шел. Искра жизни еще теплилась в его теле, не торопилась покинуть брентную оболочку.

Именно этот жизнерадостный смех уверенных в себе людей и пробудил его мозг. Своего тела он совершенно не ощущал, не мог не то что пошевелить пальцем, но почти не дышал. Только голова, как в рассказе одного известного с тридцатых годов писателя-фантаста, могла еще мыслить, но не более того.

«Никак моя молитва услышана?! Значит, не совсем я пропащий человек, раз помощь пришла!!!»

– И зачем этот придурак прямиком в трясиину пошел? Он что, не видел, что дорога в обход идет? Ведь никто из здравых людей в это гнилое урочище никогда не ползет!

«Да потому что я идиотом в одночасье заделался! Видел же, но решил напрямик, путь себе облегчить. Хоть по колено в грязи, но на метр ближе – девиз дураков еще никто не отменял! Как же, в очередной раз нашел приключений на свою задницу. Так у меня завсегда в жизни и происходит – чуток расслабился, когда мирным дымком потянуло, и готово... В полном дерьме, и отплеваться невозможно!»

Никитин с сожалением подумал, что его критика несколько запоздала, и в дальнейшем нужно быть всегда начеку. Но тут же с закипевшей яростью сам себя одернул:

«Если у тебя еще будет следующий раз, лишенец! Ты уже в ледяную скульптуру превратился, баран! Вытаскивайте меня скорее, а то уже в ледышку превратился!»

– Замерз он, даже не шевелится.

– Одежда утонуть не дает, вона как пузырем вздулась!

– А может, праведник какой-то? Потому и не тонет, – задумчиво произнес Фридрих. – Способствуют ему пресветлые ангелы!

Андрей уже смог различать по голосу этих говорящих на природном «дойче» путников. Потому интонации в молодом голосе ему определенно понравились, добрые и участливые. И спустя секунду его сердце забилося с проснувшейся надеждой.

– Давай его вытащим, христианин все же. Похоронить нужно да молитвы прочитать...

– Задался он тебе! Нашел праведника в этом болоте. Вон как смердит, стоять рядом невозможно.

– Но ведь душа христианская!

«Да что вы дискутируете, ребята! Вытаскивайте меня скорее, ведь подыхаю же. Что же вы творите, поганцы, я ведь совсем замерзну. А так есть шанс выжить! Да я вас, уроды, урою в этом болоте! Мои крестоносцы с вас три шкуры спустят! Вытаскивайте меня скорее!»

– Ага, как же. – Ингвар произносил слова с таким сарказмом, что Андрей сразу переполнился злостью и мысленно призвал все казни египетские на голову этого невидимого, но уже ненавидимого им человека. А тот еще добавил такое, словно припечатал: – Известно, что поверху всегда дерьмо плавает. Может, это язычник или грешник великий, раз его даже в болотную гниль не заволокло. А то и похуже, бесенок какой-то или угр!

– Не пори ерунду, Ингвар! Мусульмане на лошадях ездят, к тому же в одиночку в горы никогда не пойдут – их же первый встречный слова сразу же попытается прирезать. А любого

нечистого болото бы отвергло, оно только добрых людей да тварей неразумных поглощает! А значит, перед нами достойный путник и хороший христианин!

«Вот тут-то ты ошибся, друг мой Фридрих, – я тварь неразумная». – Несмотря на весь трагизм сложившийся для него ситуации, Андрей мысленно рассмеялся с самым горьким сарказмом.

– Вам что приказали?! Что вы тут топчетесь по колено в дерьме?! Что вы там нашли?!

Третий голос вмешался в диалог властно и уверенно, на том же лающем языке, что выдает всех немцев с головою.

Андрей понял, что нашли его не случайные проезжие и тем паче не селяне – те-то эти места как свои пальцы знают, а воины, возможно, охрана какого-то купеческого каравана. Хотя какие могут быть торговцы в этих краях, да еще в такую пору, когда все дороги и тропинки непролазными стали.

– Утоп кто-то, брат Дитрих!

«Брат?!»

Лихорадочное возбуждение, что уже окутало мозг Никитина, внезапно схлынуло. Такой же властный голос был у всех крестоносцев, что отслужили полный срок и занимали должности не ниже десятника. А этот Дитрих был явно из этой же обоймы.

«Так обращаются не монахи, а орденцы. В тевтонском Братстве говорят так же! А эти – немцы, ни у кого славянского имени нет. Ведь даже викинги, когда их принимают христианство, то в обиходе, как и все, обращаются по прежним именам или прозвищам. Отец Павел говорил, что у нас ни одного новообращенного скандинава в ордене нет, лишь малая толика служит Братству».

– Берете мое копьё и тащите его, а то у меня конь уже проваливаться начинает. Быстрее! Крюк приладьте – махом зацепите. Только требуху им не выпустите, самих заставлю ему в брюхо обратно засовывать да зубами шить! Махом научитесь приказу выполнять!

«Твою мать!!! С брюхами тевтонцы только так поступают, когда молодых учат! Ох, как я попал! Из огня да в полымя. Или из полымя в огонь, так будет вернее!»

Андрей почувствовал, что у него все извилины встали дыбом вместо волос. Попасть в руки «братства», злейшего врага крестоносцев, он не желал категорически, лучше уж в болоте утонуть.

«Они меня сразу замучают, как кулаки бедного Павлика Морозова, все жилы и нервы через задницу вытащат! А еще... Меч! Он не должен попасть им в руки!»

Андрей мысленно взвыл от накатившего ужаса и, собрав всю волю в кулак и крепко сжав, рванулся вперед. Вот только ничего не вышло – тело не слушалось своего хозяина.

– Во! Я его зацепил!

– Все вместе тащим! Ох и тяжелый, зараза!

«А вот теперь писец», – с огорчением подумал Андрей, совершенно не ощущая боли, но разумом понимая, что его явно потащили на твердое место. Вот только спасения уже не будет, но еще хуже, что меч Иоанна Златоуста попадет в руки давних врагов крестоносцев.

– Как боров, ну и хряк! Из таких шпика много выходит!

«Точно, немец этот Дитрих, тевтон». – Душу Андрея разрывало отчаяние – лучше бы он забарахтался в трясине и утонул. Тогда не было бы чувства унижительной беспомощности.

– Смотрите, у него меч! Это воин!

– Бери выше, Фридрих! Меч явно рыцарский, таким с коня рубят. Знатную рыбу мы выловили!

– Ты прав, брат Дитрих, как всегда. – В голосе слышалась почтительность новобранца перед заслуженным ветераном. И тут же лязгнула сталь клинка, вынимаемого из ножен. И наступило долгое молчание, прерываемое лишь восхищенными вздохами и выдохами, причмо-

киванием да многозначительным завистливым сопением. И тут же раздался четвертый голос, еще более властный и уверенный в себе:

– Что там у тебя, Дитрих?!

– Вот, у него взяли, брат Ульрих. Посмотрите!

В голосе ветерана уважительных ноток почтения было намного больше, чем до этого у зеленых новобранцев при обращении к нему самому. Так отвечают только тогда, когда положение «смирно» принимают и навтыяжку перед высоким начальством тянутся..

«Еще один «брат»? И тоже немец, к тому же рыцарь, никак не меньше, ибо голос у Дитриха разом изменился, так и уважаемому отцу не отвечают. Точно, это тевтонские «засланцы, вроде Нотбека, только отрядом идут, и немалым». – Никитин лежал неподвижно, но мозг лихорадочно анализировал все слова и звуки.

– Боже всемилостивый! Это вы взяли у него?!!

Голос «брата» Ульриха явственно сломался, задрожал от охватившего человека волнения, и Андрей понял, что тому меч хорошо знаком. А это было очень плохо...

– Он жив?!

Рыцарь спросил с такой выразительной надеждой в голосе, что Никитину показалось, что он еще больше оледенел, хотя и так давно пребывал в этом замерзшем состоянии.

– Замерз, полностью окоченел, брат Ульрих.

– Так проверь!!! Да отойди ты, я сам!

«С чего тевтону так о крестоносце заботиться?» – с немалым изумлением подумал Андрей, услышав яростный рык рыцаря.

Только сейчас он понял, что еще жив, когда мощные пальцы буквально продавили его стыльную кожу, которая давно казалась железобетонной броней. И мощный рев, которого Андрей даже представить раньше не мог, ворвался в его ухо:

– Не умирай! Слышишь ты, не умирай! Быстрее, братья, он еще пока жив! Дитрих! Скачи в село, пусть приготовят много горячей воды! Режьте на нем одежду, растирайте. Закутайте в меховые плащи! Зволин! Делай носилки, приторочи их к коням! Быстро!!!

«Зволин? Странное имя для тевтона! Где-то я его слышал, могу дать голову на отсечение, хотя она у меня дурная». – Никитин не чувствовал ничего, а в это время снующие вокруг него люди срезали всю одежду и укутали в меховые плащи, как мумию.

– Кто дал тебе святыню нашего ордена?! Где брат Карл?! Скажи хоть что-нибудь!!!

«Нашего ордена?! Свои», – в голове промелькнула последняя мысль, и тут же сознание покинуло его разом...

Глава 5

Что-то тяжелое навалилось сверху, и Андрей чувствовал, что после очередного выдоха у него уже не остается сил, чтобы вдохнуть, словно гигантская змея, сжимающая смертоносные кольца, выдавливая из него по капле жизнь.

С огромным трудом ему удалось пошевелиться: что-то снаружи сверху загремело, скорее даже зазвенело, и с шумом и скрежетом съехало вниз. Стало заметно легче. Ворочаясь и пятясь, словно рак, назад, Андрей потихоньку начал выбираться из-под завала закованных в броню мертвецов.

Освободившись от очередного, чье-то стопудового, как ему показалось по весу, тела, Андрей задом, на карачках, вылез на свет божий. Однако света как такового не было: вокруг него царил мрачная полумгла сумерек.

Огромная куча, почти курган, из сложенных друг на друга тел во всевозможных доспехах, от рыцарских до степных, кожаных, обшитых железными пластинами курток, высилась размером почти с два его роста.

– Ни хрена себе! Целый музей оружия! И откуда вас столько здесь набралось, и главное, кто вас всех порешил, братушки...

Андрей наклонился, чтобы вытащить из ножен лежащего на уровне его пояса воина изогнутую саблю, однако стоило ему едва дотронуться до рукояти, как тела стали стремительно покрываться пылью, доспехи и оружие – толстым слоем ржавчины, даже не рассыпавшись, а буквально растворившись в воздухе через мгновение, не оставив после себя и горсти праха.

– Однако! – только и оставалось протянуть Андрею: он еще минуту назад задышался под этой грудой тел. – Однако!

Но долго размышлять над произошедшим не пришлось – невдалеке смутно мелькнул светлый силуэт, и Андрей с явным намерением разобраться, где он и как отсюда выбираться, твердым шагом направился вперед.

Оглянувшись назад, Андрей снова увидел кучу-курган, поблескивавшую тусклым блеском лат и шлемов, но возвращаться назад он не испытывал ни малейшего желания.

Об оружии он не беспокоился: практически полное облачение, за исключением железных лат и шлема, и кинжал придавали ему уверенности. А главное, волшебный пояс волкодлака был на нем!

Правда, меч тоже не помешал бы, и арбалет, и щит, и боевой топор, но в прошлый раз во сне, а в том, что это был сон, Андрей был уверен, он вообще оказался голый, так что теперешнее его положение было из категории «на безрыбье и рак – рыба». Скорее даже не сон, а беспомыслие, болезненный бред, учитывая обстоятельства, в которых осталось его брэнное тело!

Светлый силуэт, мелькнувший за деревьями, на поверку оказался очень даже милостивой девушкой или, скорее, молодой женщиной, одинокой, как и водится заблудившимся в глухой чаще в ожидании рыцаря-спасителя красоткам, и обнаженной.

Как и положено, вокруг был густой лес, солнца не было видно, царил влажный полумрак, цепляющийся сгустками тумана за мохнатые лапы елей и сосен.

Прелестница сидела на пенечке в позе а-ля Аленушка, обхватив ноги руками и склонив голову на колени. Длинные темные волосы рассыпались по плечам, скрывая спину и грудь.

– Пардон, леди!

Она встрепенулась, открыла глаза и уставилась на Андрея:

– Ты меня звал?

Голос у нее оказался слишком низкий, с грудными интонациями, никак не вяжущийся с дивным обликом.

– А кого ж еще? Я, по крайней мере, никого больше, кроме тебя, не вижу! Горло, что ли, простудила? – Андрей, решив извлечь из безумного сновидения массу приятностей, наплевал на такт и этикет, справедливо рассудив, что терять ему здесь нечего. – На вот, – он протянул ей снятый с плеча орденский плащ с белым крестом, – прикройся!

Женщина, взмахнув руками, отпрянула.

– А! – Он понимающе покачал головой. – Нечисть! Креста боишься?

– Нет! – Она, словно в подтверждение своих слов, покачала головой. – Не боюсь! Моя магия очень древняя, и твой крест на меня не действует!

– А зовут-то тебя как?

– Странный ты, глупый! – Она громко рассмеялась, отчего ее крупные груди заколыхались. – Вещь свою мне предлагаешь, имя мое спрашиваешь... Так нельзя...

– А что здесь такого? – Андрей недоуменно пожал плечами. – Плаща мне не жалко! Не могу, понимаешь ли, с голыми женщинами долго разговаривать!

– Я тебе нравлюсь?

Она подошла вплотную к Андрею и заглянула ему в глаза. Андрей машинально отметил, что ее глаза совсем темные, почти черные, такие, что зрачка совсем не видно.

От нее несло холодом, явственно ощущался запах воды и тины. А еще ее фигура, а особенно большие, тяжеловатые ступни напомнили Андрею жену Анну из того, п р о ш л о г о, мира, и начавшее пробуждаться желание напрочь пропало:

– А ты не обидишься, если я скажу – нет? Убить не захочешь, как тех, что там кучкой отдыхают?

– К чему? – Она пожала плечами и отвернулась. – Меня не интересуют люди! А эти... – махнув в сторону, она уселась назад на свой пень, – глупцы! Вы желаете всего и сразу: кто-то возжелал меня как женщину, кто-то захотел убить во имя своего Бога... А мое имя старше любых богов!

– И какое оно?

– Запомнить его легко, а вот забыть трудно! Не говори никогда имя незнакомцам, человек, а то потом пожалеешь!

– Почему?

– Вот неумный! – Она раздраженно поморщилась. – Зная твое имя, тот, кто хочет навредить тебе, всегда это сможет сделать, особенно если у него есть еще и твоя вещь!

– Мне нечего скрывать – меня зовут Андреас фон Верт!

– Хм! – Она подняла бровь. – Фон Верт... Я уже слышала это имя от одного человека! Он, кстати, очень плохой и хочет причинить тебе зло! Остерегайся его!

– Хм! – Теперь настала очередь хмыкать Андрею. – Знаешь, сколько людей мне хотят причинить зло? Чего же мне, как гадюке поганой, уползти и дрожать, прикрывшись лопухом?

– Почему ты так не любишь змей? – В ее голосе звякнул металл, а брови гневно выгнулись. – Не смей так говорить о них при мне!

– Да чего там! – Андрей махнул рукой. – Все вы, бабы, змеи подколенные...

Договорить он не успел: взметнувшись, она поднялась выше Андрея. Вместо ног от пояса извивалось змеиное тело, а сама она угрожающе покачивалась из стороны в сторону:

– Прочь, человечий-ш-шко!

– Ты чего такая злая? – Андрей зорко следил за ней, ожидая броска. – Вроде критические дни тебя, судя по хвосту, не должны беспокоить?

Она резко качнулась в сторону и зашипела как настоящая змея.

– Ты ядовитая? – Андрей, вынув кинжал, пригибаясь, стал перемещаться левее, чтобы в случае атаки принять ее на правую руку. – Смотри, язык себе не прикуси: не ровен час отравишься...

Она сделала молниеносный бросок, но Андрей, увернувшись, изловчился резануть ее руку: густая черная кровь закапала на землю.

– Отдай мне с-с-свою с-с-силу... Ус-с-с-ни вечным с-с-сном...

Она свивала хвостом кольца, словно гипнотизируя его блестящей чешуей. Андрей машинально схватился за волшебный пояс – ощущение было таким, словно от него слегка покалывает током, так, словно мокрыми руками взялся за электрический прибор.

– А еще себя предлагала, пиявка! – Андрей, сиганув в сторону, увернулся в очередной раз и, перепрыгнув через извивающийся хвост, понесся вперед, лавируя между огромными стволами. – Не старайся усыпить меня! Хрена с два у тебя получится! На меня твоя магия не действует!

Позади с треском проламывающегося в кустах носорога и с леденящим кровь шипением неслась огромная змея.

Завидев развилку в вековой сосне, он на мгновение задержался перед ней, а затем резко вильнул вбок. Как он и ожидал, змеюга на полном ходу влетела в нее и, застряв, беспомощно повисла. Андрей с размаху пригвоздил ее хвост к стволу.

Даже обернувшись человеком, она не смогла освободиться: кинжал, пробивший одну из ног в районе задней поверхности бедра чуть выше колена, крепко держал ее. Перекинуться обратно в змею сил, по-видимому, уже не оставалось.

– Ну и кто из нас дурак, вернее, дура?

Андрей присел перед ней. Она уже не извивалась, только с ненавистью глядела и что-то быстро забормотала.

– Не старайся колдовать, твоя магия на меня не подействует! – Она резко дернулась, но Андрей с силой наступил ей на пальцы пораненной руки, и она затихла. – Успокойся, а то я – не рыцарь, а ты – не прекрасная дама!

– Ты не посмееш-ш-шь! – Она только сейчас поняла, в какую ловушку попала. – Не посмееш-ш-шь...

– Не бойсь! – Андрей похлопал ее по белоснежным выпуклостям чуть ниже пояса. – Твои скользкие прелести меня принципиально не возбуждают! Да и воняет от тебя, помойся, что ли, или как у вас там, змей, кожу смени, или сейчас не сезон?

– Я вс-с-с-егда меняю кожу ос-с-сенью!

– Ну и умница! – Андрей еще раз оценивающе осмотрел ракурс с, так сказать, тыла, но, сморщившись, сплюнул:

– Нет! Не канает! Все же ты не баба! А вдруг в самый ответственный момент у тебя снова хвост появится или еще, чего хуже, нарожаешь ты потом от меня Змеев Горынычей? Нет, на это я пойти не могу! Я к тому же еще и командор! – Андрей понимал, что молотил полную чушь, начался короткий, но отходняк. – А может, того, устроить трибунал инквизиции в одном моем лице и сжечь тебя? Точно!

Он кивнул и присел на корточки, она немигающим взглядом следила за ним. Выражения отчаяния, ненависти, ярости, страха сменялись на ее красивом лице.

– А твой змеиный хвост я съем! Чего добру пропадать! Эх! В китайском ресторане тебе бы цены не было...

– Не глумис-с-с-ь! Ты же муж-ш-ш-ш-чина...

– Если бы я был, как ты говоришь, мужчиной... Э-эх! – Андрей хлопнул себя по коленке. – Но нет, милая, ты ошиблась! Я крестоносец, рыцарь и христианин, три в одном, у меня к тому же целибат! Поэтому на первую встречную бабу я сразу так и не полезу! Да ты и не баба, так сказать, ни рыба, ни мясо! Вообще, я, видишь ли, терпеть не могу змей! Как представлю, что ты лягушек ешь...

Она в бессильной ярости заскрежетала зубами:

– Я отомщ-щ-щу! Ты ос-с-с-скорбил меня, как женщ-щ-щину ос-с-с-скорбил...

– Я же говорил, что бабы – гадюки подколенные! Сначала выберись, не все такие благородные, как я, могут попользоваться, а потом шкуру на чемодан ободрать! Не дергайся! – Он намотал длинные волосы на кулак, поднял голову и взглянул ей в немигающие, черные, без белков глаза. – Совсем забыл! Так с кем ты вела беседы о моей скромной персоне?

– Это был черный ворон! Он называл мне твое имя и униженно просил помощи! Раньше я не вмешивалась в дела людей, только ради забавы, но сейчас! Ты оскорбил меня! Я найду тебя и отомщу! С-с-с-страш-ш-шно отомщу! Мы еще вс-с-с-стретимс-с-с-я...

– Уже горячее! – Андрей удовлетворенно покачал головой и с силой выдернул кинжал. Она выгнулась. – С одного его помощника я почти снял шкуру, с тебя тоже спущу, если встанешь на моем пути! Уноси ноги, пока цела! Ползи, в смысле...

Договорить он не успел: она, извернувшись, накинула петлю хвоста ему на шею и стала сжимать кольцо. Задышавшись, Андрей успел подумать, что ее тело почему-то оказалось обжигающе горячим, слишком горячим...

– Ай-я!

Андрей пришел в себя от лютой боли, которая разлилась множеством уколов, произвольно дернулся, и тут же словно огненная лава прошла по его измученному телу.

– Ай-я!

– Ты куда, дура, лешь?! Ты же ему плечо голым кипятком обожгла! Холодной смочи! Живо!

Из темноты, царящей перед глазами, донесся до боли знакомый голос, в котором Никитин сразу же узнал того самого Дитриха, копьём которого его вытащили из смертельной трясины. И моментально вспомнил все, испытав нешуточное облегчение.

«Я спасен, меня вытащили!»

Пронесшаяся мысль тут же была подмята ощущением дикого холода, который, как ему показалось, заполнил все его тело, превратившись в груди в огромную ледяную глыбу.

– Я ничего не вижу, – еле слышно пробормотал Никитин, не в силах не то чтобы поднять руки, а даже открыть веки. И тут же чьи-то крепкие ладони стали лихорадочно тереть ему глаза, а мягкий женский голос, такой грудной и милый, прошептал прямо в ухо:

– Потерпите немного, ваша милость! Она как деготь, тамошняя грязь, ее с трудом оттереть можно. Горит жутко, ничем не потушишь, если чистую с поверхности собрать. Мы ей щели во всех постройках заливаем, лучше раствора держит. Почти как рыбий клей, густая и ничем ее не промочишь! Только по первому морозцу она такой липкой становится. Оттого и Липанами это место называем.

– Фу...

Облегчение было искренним, Андрей до дикого ужаса испугался возможной слепоты. И тут же холод, на секунду отступивший от панического приступа, стал терзать его снова и снова, да так, что клацали зубы, а все тело заходило ходуном.

Он теперь ощущал, что находится по шею в горячей воде, вот только жара от нее не испытывал нисколько. А добрая женщина моет его, иногда аккуратно подливая кипяток из ведра – знакомые звуки ни с чем не спутаешь.

Правда, сидеть было неудобно – его поместили в большую деревянную бочку, но в ней простора явно не хватало. Андрей сильно прижимался коленями к груди, а спиной к стенке бочки, сидя задом на днище. Тем не менее места не доставало – его плечи возвышались над краями и их постоянно поливали горячей водой.

– Брат Ульрих, он очнулся!

Скрежет разбухшей двери, будто гвоздь монтировкой вытаскивали, и почтительный голос Дитриха раздался одновременно. Тяжелые уверенные шаги разогнали наступившую тишину – женщина даже перестала дышать, но продолжала тереть Андрею глаза.

И темнота чуточку отступила; снова обретший способность видеть Андрей разглядел крохотный огонек свечи, что просто был не в состоянии полностью разогнать ночную тьму.

Глава 6

В маленькой комнатенке, половину которой занимала большая печь, было темно – единственная свеча, неслыханная роскошь в крестьянских селениях, не могла разогнать темноту.

– Вон!

Рыцарь в красном орденском плаще настолько властно махнул рукою и громко scomандовал, что женщина моментально выпорхнула за дверь. А вот Никитин даже не вздрогнул, его и так просто трясло как в лихорадке – холод все еще не покинул тела.

– Говорить можешь?

На заданный вопрос Андрей только смог кивнуть, выбивая зубами чечетку. Рыцарь правильно понял, указал Дитриху, под красным плащом которого проглядывал серебристым блеском пояс оруженосца, – тот подхватил за веревку исходящую паром бадейку и очень осторожно подлил в бочку горячей воды.

– Откуда ты взял святыню ордена Святого Креста? Ты понимаешь, о чем идет речь?

– О ме-че Ио-ан-на З-зла... тоу-ста...

Кое-как, в несколько приемов произнес Андрей, обхватив себя за черные от липкой грязи плечи. Женщина оказалась права – в трясине, в которой он изображал поплавков, оказалась дрянь несусветная. Таковую щелоком драить нужно, в несколько крепких рук. И за пару часов бесперывной работы, никак не меньше.

Мазуту флотскому достойную конкуренцию составит! Нефтью шибко пахнет, но что самое интересное, и еще какая-то вонь идет, дюже знакомая. Мерзопакостный запахок!

– Откуда у тебя цепь великого магистра?

Голос рыцаря прозвучал намного тише. Однако настолько угрожающе, что можно было не сомневаться в возможности скорого проведения «интенсивного допроса», как говорили в е г о время. А в здешнем мире сии действия честно именовали пытками.

– У кого ты взял две тысячи золотых?! Где ты их украл, злыдень?! Я с тебя душу вытряхну!

Андрей без страха смотрел на две протянутых к нему лапищи, но ответить пока не мог – лихоманка обрушилась на него с новой силою. Брат Ульрих принял это за видимое проявление страха и сдвинул своей ладонью Никитина за горло.

– К-хе!

Такого варварского обхождения с собою отставной офицер никак не ожидал, даже мемекнуть не успел.

– Говори, грязная свинья!

Рыцарь перешел от слов к «экспресс-допросу» и двумя ладонями надавил на голову так, что Андрей ушел по макушку под маслянистую пленку. И неожиданно подумал, что таких перипетий судьбы он еще не испытывал. Однако мысль тут же вылетела из головы, ибо он стал задыхаться и случайно глотнул, но не живительного воздуха, а омерзительной дряни, что стала отлипать от его тела.

– Говори!

Сильные руки выдернули его из воды, но Андрею стало не до разговоров – кое-как успел перегнуться за кромку бочки. Его мучительно вырвало, но, к великому изумлению, почти перестало тряссти, даже зубы стали лязгать намного меньше.

А может, все потому, что сейчас Андрей испытывал не страх, а горел в нешуточной вспышке ярости. Он бы вцепился в глотку крестonosца, но сил пока не имелось.

Бывший майор стал тереть себе грудь, где пьяный медбрат в той жизни оставил неправильную наколку группы крови. Но которая, по немыслимому совпадению, являлась знаком

командора ордена Святого Креста. Он тер пальцем место шифровки и одновременно с хриплой яростью, в несколько приемов выкрикнул:

– Ты... ч-то... тва... ришь! Сю-да... пос-мо... три...

Рыцарь немного опешил, отшатнулся, но тут же наклонился, что-то сообразив. И сам стал тереть толстым узловатым пальцем кожу, повелительно крикнув оруженосцу:

– Сюда свети!

Теперь Андрей видел его лицо вблизи – волевой подбородок, рассеченный шрамом, который не могла скрыть коротко подстриженная борода, щетинка усов, крючковатый нос, сетка морщин вокруг стальных глаз да обильная проседь в густых черных волосах.

«За пятьдесят лет, – спокойно думал он, откинув назад голову. – Только они с братом Любомиром, единственные из рыцарей, что остались в живых со дня Каталаунской битвы. Ну, и я, конечно, самозванец хренов! А ведь явно что-то разглядел, вон как пот потек, да лицо бледнеть начало. Шо, брат Ульрих, не ожидал?! Сейчас тебя до самой задницы продерет! Ты еще в мое лицо взгляди!»

Видимо, у майора на секунду открылся дар телепатии или внушения по методу легендарного Кашпировского – но рыцарь поднес свечу прямо к раскрытым глазам Андрея и долгую минуту вглядывался в его черное от «мазута» лицо.

«Что, брат, доходит?!»

Он держался невозмутимо и строго, ибо боялся хихикнуть – глаза брата Ульриха медленно выпячивались из глазниц, рыцарь даже пару раз потер свои очи, словно был не в силах осмыслить увиденное, а массивная челюсть стала отвисать от изумления, если не сказать крепче, раскрыв безупречно сохранившиеся зубы.

– Боже мой! Командор фон Верт!

Стоявший за спиной рыцаря Дитрих, тоже почтенных лет крестоносец, никак не младше по возрасту самого Андрея, схватился левой рукою за грудь и спустя секунду, не в силах устоять на ногах, уселся прямо в бадейку. Хорошо, что кипяток из нее был вылит раньше, а то бы бедолага обварил бы себе пятую точку.

«А мужик явно второй срок служит, еще до Каталауна в орден вступил и настоящего фон Верта видел. Вона его плющит и тарасит, бедного, как отца Павла в первый раз!»

– Брат Андреас! Хранитель...

Рыцарь наконец поверил собственным глазам и впал на добрую минуту в столбняк, мотая головой, как гужева уставшая лошадь, сам боясь поверить в увиденное.

Затем неожиданно встал перед бочкой на колени и, к великому удивлению Андрея, с видимым почтением поцеловал его грязную ладонь, лежащую на краю бочки.

– Прости, брат, не признал...

– К-ха! К-ха!

Тошнота подступила к горлу, Андрей почувствовал резкий запах «мазута». Он мучительно закашлял, его снова вырвало. А затем кашель навалился снова, но другой, хрипящий – следствие долгого нахождения в гибельной ледяной купели.

– Дитрих! Баб сюда зови! Быстро согреть его светлость! Горячего вина с корицей и перцем. И мед разогрейте! Горчицу приготовить для растирания! Быстро!

Брат Ульрих все понял правильно и сразу принял неотложные меры. По его лицу промелькнула тень ужаса, причину которой он разъяснил дрожащим голосом:

– Как бы тебя лихоманка болотная не пробрала, брат-командор! Не сгорел бы ты, простыл сильно! Нет-нет, ничего мне не говори, побереги горло! Сейчас тебя помогут и разогреют!

Приказы рыцаря были исполнены молниеносно. Через несколько секунд в комнатенку вбежали три бабенки, по всей видимости, мывшие его раньше, когда он находился в беспамятстве. Одна лет сорока, худая, как шпалина, некрасивая, даже страшенькая, а вот две помо-

ложе, лет 25–30, одна статная, а другая пухлявая, в домотканых, до пола рубашках. Причем мокрых, которые не столько скрывали, сколько подчеркивали все округлости и выпуклости.

– Тереть его светлость без передышки. Водой горячей постоянно мыть! Сильно замерзли они! Вы и так знаете, что делать! А ты приготовь постель и убирайся вон!

Рыцарь отдал команду лязгающим голосом, перехватив крепкой дланью первую, пожилую женщину и силою отправив ее обратно за дверь. А вот оставшиеся бабенки помоложе действительно все знали и умели. Они сразу взяли Андрея в оборот и, скинув рубашки, нисколько не стесняясь наготы, принялись за него с удвоенной энергией.

Терли, скребли почти без передышки, как стахановцы, прямо прилипали к нему своими телесами, пышущими жаром не хуже кипятка, постоянно обмывая чистой горячей водою.

Грязную муть незамедлительно черпали из бочки и уносили два молодых орденца, что краешками глаз постоянно косились на разгоряченные женские тела.

Андрей чувствовал себя султаном в гареме, малейшие желания которого тут же выполняются. Да и выпил немало – вино с пряностями и горячий хмельной мед в него вливали в больших количествах, так что к концу мытья он окосел – пил ведь на голодный желудок и после жуткого стресса.

И самое постыдное, что его организм среагировал на женскую близость самым естественным образом, положенным самой природою, что его сразу изрядно сконфузило.

– Эй, вы, – скомандовал рыцарь женщинам, заметив некоторое смущение командора, стоявшего в бочке греческим Аполлоном, только без фигового листочка на том месте. Да и не спрятал бы там ничего этот лист, поздно, да и размер нужен побольше, – быстро греть постель его светлости! Там все растирания приготовлены, так что все за вами. Пошли отсюда!

Женщины без всякого смущения выскочили из комнаты, но бросили на Никитина такие жадные взгляды, что тому стало неуютно. Он уже понял, что притирания и снадобья будут не самым главным средством в лечении. И с умоляющим взором повернулся к Ульриху, который с помощью оруженосца укутывал Андрея в меховой плащ.

– У меня целибат...

– Он ведь от похоти, брат-командор! – Рыцарь на корню заглушил протестующий писк Никитина. – А тебя лечить нужно! Для того все средства хороши, а мы воины, а не монахи! Не упрямясь, твоя болезнь может погубить орден. Ты ведь единственный Хранитель! Так?!

– Так, – вынужден был согласиться с ним Андрей.

– Все разговоры будут завтра, а сейчас я обязан заняться твоим лечением. И я это сделаю, несмотря на твои возражения. Ибо это мой долг перед орденом!

Брат Ульрих говорил настолько непреклонным тоном, что Андрей понял, что если потребуется, то крестоносец свяжет его и отдаст женщинам на растерзание.

Честно говоря, после Милицы это нарушение не выглядело уж слишком греховным – ибо мотивы совсем другие. Так что терзаниями совести он нельзя сказать чтобы совсем не страдал, но определенные неудобства все же испытывал. Да и два матерых вояки сейчас не спускали с него глаз, так что хорошо видели, скажем так, его «активацию».

Но Андрею нужно было сохранить внешнюю благопристойность, не на блуд пойти, а на лечение, ведь это совсем иное дело.

– Хорошо, поговорим завтра, брат Ульрих. Благодарю за заботу, а сейчас ты прав – мне нужно согревание и лекарства. Болезнь совсем некстати, у нас слишком много дел.

Теперь нарочно закашлявшись, прохрипел в ответ крестоносцу Андрей, с нарочитым смирением наклонив голову и сделав к двери такой медленный шаг, будто смертник, пошедший на эшафот...

Глава 7

«Великое дело – вовремя назначенное правильное лечение! Эх, лечили бы так в наше время вместо антибиотиков разных...» – с видимым удовольствием подумал Никитин, ощущая необычайный прилив сил во всем теле.

То ли разнообразные снадобья и притирания помогли, то ли ставшее в здешнем мире богатырским здоровье. Но возможно, и самое энергичное воздействие этих двух милых и ласковых женщин, разогревавших его в прямом и переносном смыслах, всю ночь.

«А ведь еще немцы в войну эксперименты на несчастных заключенных концлагерей ставили по лечению замерзших в арктических водах моряков и летчиков. И пришли к выводу, что самым лучшим средством является женское тепло. А в здешнем мире это хорошо знают, вона как меня полечили, ни кашля, ни насморка!»

Тут он, вспомнив о некоторых деталях этого процесса, мучительно покраснел. О таком он не ведал, хотя считал, что знает порядочно, да и практика большая, а потому пришел в крайнее смущение. Хорошо, что окошко в комнате было маленьким, непрозрачным и в ней царил постоянный полусумрак. А то представительницы слабого пола с немалым интересом бы посмотрели на его багряные щеки и уши.

– Вам ничего от нас еще не потребуется, ваша светлость?! Мы можем идти домой?

Обе ночные спасительницы склонились перед ним в поклоне, на лицах сплошное удовлетворение, глаза блестят. К своему стыду, он так и не удосужился узнать их имена, а потому решил попроститься без лишней интимности. Ведь это была не более чем случайная встреча – так, сошлись и разошлись, как в море корабли.

Андрей кивнул своим спасительницам, как бы разрешая удалиться, но тут же спохватился, памятуя, что должен держать образ благодетеля, ведь орден стал в этих местах полным владыкою.

– Вас не обидели?

– Нет, что вы, ваша светлость. Пан Дитрих нам по полгроша дал, можем детишек приодеть и сами. Полотна купим, – громко ответила пухлявая, потупив шаловливые глазки. Она была побойчее и говорливей, чем напарница. И такая искусница...

– Полгроша...

Андрей задумался. Теперь он по-другому посмотрел на женщин и увидел морщины под глазами, натруженные от вечной работы руки, хоть и починенные, но давно изношенные платья – а ведь наверняка надели самые лучшие. А может, и единственные. Так что полгроша очень большие деньги для этих мест.

– Мужья где?

– Угры убили этим летом. По одной милости пана Тадеуша с детьми живем, да родичи помогают, в беде не оставляют. Здесь так принято, – мгновенно потускнела бойкая, словно искру задули, а ее подруга выразительно вздохнула, почернев лицом за мгновение.

«Мог бы и не спрашивать, дурак. По ним же видно, что вдовы, и у каждой на шее сироты. Вот и готовы на все, и по мужской ласке изголодались, и по хлебу...»

Андрей засопел и, подойдя к массивному ларю, поверх которого был накинута его командорский плащ с торчащей из-под него рукоятью меча, достал свой кошелек, в котором, как он знал, было полдесятка золотых да на пару злотых серебряных грошей. Распустил завязки мешочка, не глядя, высыпал на ладонь десяток монет и, подойдя к бойкой, сунул деньги.

– Бери, бери. Вам они пригодятся.

– Нет, ваша светлость...

К его изумлению, женщина энергично и отнюдь не притворно, это он понял сразу, запротестовала. И убрала свои руки за спину, и так же сделала ее подруга.

– Орден нас всех спас. Иначе бы не перезимовали. Вы спасли, ваша светлость! Хлеба одного до будущего лета на всех привезли. Да мы... Да я... мы жизнь за вас отдадим...

В глазах женщины выступили слезы, она с таким упреком посмотрела на командора, что того пробрало до пят. Тут ведь совсем иначе ко всему относятся, не так как в «политкорректное время», помочь, услужить готовы искренне, а он им деньги, как дешевым проституткам. От стыда Андрей был готов провалиться на месте, но тут вспомнил об ином.

– Дура! – рявкнул он на отшатнувшуюся от него женщину. – Орден вас всех под покровительство взял, а потому заботиться обязан! А вы – служить искренне и честно! И дети ваши должны вырасти достойными воинами, война с магометанами не один год продлится и даже не век. А потому они хорошо должны есть – как вечно голодный заморыш меч держать будет? Так что заberi деньги, не зли меня! Мои приказы неукоснительно выполняются всеми! Знаешь, кто я такой?!

Последняя фраза у Андрея вышла пошлой, как в старом анекдоте, который, само собою, был здесь неизвестен. Но женщинам ее хватило за глаза – обе рухнули перед ним на колени.

– Да, ваша светлость! Благословите!

Никитин оторопел – они склонили перед ним головы, целовали руки, а ведь ночью т а к о е было, что даже как-то в голове не укладывается. Или тут на все проще смотрят?!

– Живите с миром.

Андрей перекрестил склоненные перед ним головы, он уже несколько обтерся в этой новой для себя роли и уже не испытывал того жгучего стыда, как раньше.

– С колен поднимитесь – негоже матерям воинов их преклонять. Не рабыни вы, холопки, а я вам не пан!

– Пастырь вы наш, святой отец!

Он задохнулся от полученных слов, как от пропущенной в живот доброй плюхи, посмотрел с недоверием – нет, вроде не издеваются над ним, не намекают на и н ы е отношения этой ночью, говорят серьезно, с благоволением, словно доброму священнику. Даже глаза горят фанатичным блеском – как тут не поверить!

– Деньги на детишек потратьте, и, смотрите у меня, чтоб все было, а то... Ну вы поняли!

– Но тут много, и золото, – растерянно вымолвила женщина и раскрыла ладонь, Андрей мысленно ахнул – золотых монеток было почти столько же, как и серебряных. И тут же зеленая пупырчатая жаба зашевелилась в его душе, стена и охая.

– Возьмите обратно злотые, нам пяти грошей серебра на полгода хватит... – умоляюще прошептала женщина.

Может быть, в другое время он и поддался порыву, но тут посмотрел на два туго набитых мешочка с динарами и солидами. Да и не к лицу командору забирать дареное.

– Это на всех детей в селении, – по-барски бросил он и осекся – дверь отворилась без стука, в комнату вошел брат Ульрих, а потому Андрей заторопился выпроводить женщин:

– Бери деньги и иди, дочь моя!

Те поклонились в пояс и тут же выбежали, радостные и довольные, а рыцарь, к удивлению Андрея, ведь они остались вдвоем, преклонил перед ним колено. И сказал столь серьезным голосом, какие уж там розыгрыши или нарочитое смирение:

– Благословите меня, грешного, ваша светлость.

Пришлось перекрестить покорно склонившуюся перед ним седую голову, а потом положить правую руку на плечо рыцаря, заставляя того поднять на ноги обратно. Но взглянув в лицо брата Ульриха, Андрей решил, что для него сейчас лучшая защита – это нападение и ответы давать нужно лишь после своих вопросов.

И сразу сказал весомую фразу, которую могли произносить только члены капитула, что заставляла каждого крестоносца без лишних слов выполнить любой приказ.

– Дело ордена, брат!

– Я готов, ваша светлость!

– Вчера ты был сильно удивлен, брат, когда узнал меня. – Андрей сделал запрещающий жест, призывающий к молчанию, и рыцарь тут же стиснул зубы, сдержав порыв.

– А потому я уверен, что мой приказ, посланный два месяца тому назад, в богемские и моравские замки, ты не получил. . .

– Нет, твоего приказа, брат-командор, я не получал. Даже не знаю, что ты его нам отправлял.

– Так почему ты здесь с крестоносцами, а не в Бяло Гуру, куда я приказал вести «копья»?! Ах да, ты же никак не мог получить этого приказа. Но кто тебя отправил?

– Четыре месяца назад через папского легата в Праге я получил послание от брата Любомира с приказом исполнить наши силы в Богемии и Моравии и идти быстрым маршем в Бежицу, к брату Карлу, чтобы под сильной охраной увезти нашу святыню.

Рыцарь говорил четко и ясно, но в глазах, как Андрей видел, у него все ярче и ярче разгорается огонек непонимания. Но и сам Никитин впал в некоторую растерянность – он-то точно знал, что отец Павел не отправлял никаких приказаний в Прагу.

– У тебя с собою это послание?!

– Да, вот оно!

Рыцарь бережно извлек из-за пазухи кожаный мешочек и вытряхнул из него свернутую трубочкой грамоту, но не бумажную, а из толстого пергамента, с подвешенным на шнурке кругляшом твердого воска с четким оттиском печати. Развернул и протянул Андрею, который схватил его, как щука карася, быстро прочитал, внимательно взглянул на печать, скривил в оскале губы, уж больно она не походила на ту, что осталась у старого священника, и хрипло рассмеялся:

– Это подделка, брат Ульрих. Грубая подделка, особенно с почерком. Орденовая печать у меня, а здесь плохой оттиск. И брат Любомир тебе не отсылал ничего. Повторяю еще раз – мы отправили грамоты во все орденовые замки лишь два месяца тому назад, когда полностью утвердились в Белогорье. Тебя обманули!

– Я понял это, – тихо произнес Ульрих, – когда с тремя «копьями» пошел на Бежицу. Угры были везде, и особенно в горах, они перекрыли все перевалы. А с ними были и гулямы, много гулямов, я с Каталаунского поля подобного не видел.

– Как же вы через них прошли?

Андрей с нескрываемым уважением посмотрел на рыцаря – крестоносец либо выполнял приказ, либо погибал, иного не дано. А раз перед ним живой, то как-то сумел прорваться.

– Я увел отряд на юг, в предгорья. Там угров почти не было, мы прошли спокойно, даже в степь раз вышли, только одна схватка за всю дорогу и случилась. Побили мы три десятка всадников, в полон не брали, да и никто не ушел. Но Бежицкий замок. . .

– Он пал до вашего прихода?!

– Да! Там были гулямы, но недолго. Почти сразу же ушли. Крестоносцы гарнизона, их было два десятка, не оказали никакого сопротивления. Замок абсолютно цел, и ворота, судя по всему, открыли изнутри. Не может быть, что брат Карл изменил, я даже не думал над этим! Но как гулямы вошли в замок?! Вот что непонятно!

Ульрих заскрипел зубами, его глаза сверкали от гнева, старый рыцарь еле сдерживал себя.

– Их всех перерезали как курей, распластали на куски! Но птицы хоть метаются от убийц, кудахчут, а эти как сонные. . . Вот что непонятно! Почему так произошло?

– Ты нашел брата Карла?

Андрей спросил для проверки – сам он прекрасно знал, как и где погиб старый рыцарь. На той границе Запретных земель, где они истребили десяток воинов Сартского, посланных в погоню.

– Нет, – глухо произнес рыцарь, – и меча не нашел. Возможно, он ушел через подземный ход, гулямы его не завалили – похоже, не знали. Зато у колодца мы нашли эту ленту. Откуда она там оказалась?! Ведь в замке никогда не было женщин!

Ульрих протянул небольшую шелковую ленту, которую извлек из-под плаща, и Андрея словно ударило прямо в сердце. Он видел уже раз такую, но на всякий случай провел ею под носом, сразу уловив ноздрями знакомый до боли запах.

– Тебе знакома эта повязка?

– Да. – Андрей криво улыбнулся, теперь он все понял, сложив два и два. – Ты спрашивал меня, брат, что там произошло? Впрочем, такое могло иметь место неделю назад неподалеку, в замке «Трех дубов». Я тебе отвечу одним словом – измена!

Глава 8

Хочешь не хочешь, но ехать на болото к колдуну было необходимо...

– Чтоб тебя черти разодрали, Войтыла!

Сартский держал в руках арбалет, затравленно оглядываясь по сторонам. Он вздрагивал всем телом от малейшего шороха, плечи и спина ныли от напряжения.

Он не стал приказывать седлать свою любимую гнедую кобылу, потому как помнил, что во время своего последнего визита к колдуну он чуть было не лишился ее.

Теперь же, то и дело ударяя пятками в бока крупного солового мерина, он злился на себя:

– Гнедка меня сколько раз выносила? А этот мешок с травой, – он снова гневно поддал шенкелей еле бредущему коню, – едва тащится! Вот дурак! Кобылу пожалел! Да! Кобыла и останется, ездить на ней некому будет... Но! Пшел! Пшел, скотина!

Все в этом ужасном проклятом месте было так же, как в прошлый раз, даже еще хуже, казалось, что прошла не пара месяцев, а пара десятилетий: под мохнатой бородой сизого мха уже не угадывались когда-то белые стволы березок, они, словно придавленные могучей силой, пригибались к земле, склоняясь под невидимой тяжелой ношей.

Осень и здесь давно вступила в свои права, только воздух был наполнен не сладким запахом опавших прелых листьев, а смрадом гнили и затхлости.

Кое-где березы были выворочены, и, не успевшие обрасти мхом, корни торчали подобно костлявым скрюченным пальцам. На секунду Сартскому показалось, что эти корни-пальцы сжимаются и разжимаются, словно примеряясь к его горлу, и он, судорожно сглотнув, замотал головой, прогоняя наваждение.

Оглушающая тишина заволокла все вокруг, и даже из-под копыт не доносилось ни хруста, ни шелеста. словно огромный молот бухало где-то в горле сердце, увязая в липком холодном страхе, наполнившем низ живота.

Все явственнее ощущался запах болотных испарений. Тропинка петляла теперь уже между совсем хиленькими полузасохшими деревцами и большими бурыми кочками.

С каждым шагом раздавалось все громче и громче противное чавканье: из-под копыт выступала темная вода, а вокруг появлялось все больше и больше лужиц, подернутых бурой тиной.

– Пресвятая Дева Мария!

На одной из дальних кочек что-то или кто-то шевельнулся. Рука Сартского, дернувшись, замерла в нерешительности: то ли к нательному кресту, то ли к болтам с серебряными накладками, которые он специально приказал отлить, отправляясь в Гнилую Падь.

Шевеление усилилось, и Сартский, приглядевшись, увидел сплетенных в огромный клубок гадюк, необычайно крупных и толстых, в самой гуще которых белела обнаженная женская спина.

Отчаянно заморгав, он стал лихорадочно заряжать арбалет, но руки не слушались, один за другим драгоценные серебряные болты без звука шлепались на мягкий влажный мох.

Женщина словно почувствовала его взгляд, привстала, стряхнув с себя змей, и обернулась, заставив магната замереть от ужаса. На голове ее среди вплетенных в волосы желтых болотных кувшинок извивались маленькие змейки, а сами волосы бурого цвета, длинные и мокрые, почти полностью скрывали грудь, но не блестящий змеиный хвост, начинающийся от пояса и оканчивающийся где-то в змеином клубке.

– Ш-ш-ш!

Огромные, немигающие, темные, словно болотная вода, глаза приковывали к себе. Недовольно изогнув губы, она с тихим шелестом отвернулась.

– Пш-ш-шел прочь, человек! Не с-с-с-мотри на меня!

Не повинуюсь дрожащим рукам, арбалет, сухо щелкнув, больно прищемил мякоть ладони, приводя его в чувство. На ощупь ощутив повод, Сартский со всей силы ударил в бока мерина, чтобы поскорее убраться от этого места, однако, не удержавшись, оглянулся: гадина, извиваясь, сбрасывала старую змеиную кожу.

– Как ты пос-с-смел?! Ты ответиш-ш-ш-шь... Ус-с-с-ни навечно...

Внезапно навалившаяся усталость потянула вниз веки. С трудом подняв руку, Сартский хлестанул плетью коня из последних сил, чувствуя, что в голове плещется огненный шар расплавленной, ломающей затылок боли.

Мысли текли медленно, словно капающий с ложки тягучий мед, и было совсем не страшно.

– С-с-с-пи...

Шелестящее шипение раздавалось со всех сторон, все вокруг кружилось, словно в безумном хороводе: деревья, болотные кочки, лужицы с грязной водицей, свинцовое небо и серые низкие облака, глаза закрывались, но он, еще окончательно не потеряв ориентацию, попытался поддать шенкелей.

Однако конь, казалось, не реагировал: опустив голову, он с трудом переставлял ноги. Сделав еще пару шагов, мерин мотнул головой и, заваливаясь на передние ноги, рухнул на бок, увлекая за собой седока. Сартский, извернувшись, изловчился выдернуть ногу из стремени, но все равно зацепился за что-то, а через мгновение боль в затылке угасла вместе с сознанием...

С трудом, но сознание возвращалось. Еле разлепив глаза, он с трудом сдержался от подступившей тошноты, вызванной неприятным запахом пропастины. Сварливый голос Войтылы резанул по ушам:

– Ясновельможный пан! Какая радость, что пан навестил старика! А я-то думал, что пан забыл своего покорного слугу...

– Я забуду о тебе, когда ты сдохнешь! Чем у тебя тут так воняет?

Сартский с трудом поднялся, осматриваясь. Он лежал на топчане в землянке колдуна. С отвращением скинув с себя затхлые тряпки, он, пошатываясь, встал и вышел наружу – свежий воздух сделал свое дело: хоть по-прежнему голова гудела и кружилась, но хотя бы тошнить перестало.

– Так по работе моей и воняет! – Войтыла заспешил следом. – Не розы, чай, выращиваю! Пан привык, видать, только благовония нюхать?

Он скрипуче рассмеялся, но Сартский пропустил мимо ушей ехидный тон колдуна. Прикрыв глаза, он тяжело опустился на колченогий, грубо сколоченный табурет:

– Что произошло со мной? Я сожгу тебя, колдун! Что ты тут творишь, чернокнижник! Там я такое видел!

– С лошади пресветлый пан упал! – Войтыла поспешно перебил его. – Конь провалился, а пан и не удержался! Головой приложился, вот чуть и не преставился! А там и не было ничего, померещилось от духа болотного, ядовитого... Я-то, грешный, словно чувствовал, что пан ко мне едет, вот и пошел навстречу, травок решил еще собрать на болоте. Гляжу, пан-то лежит! Ну, я и притащил пана сюда, а вместо благодарности пан меня живота лишить хочет!

– Да? – неуверенно протянул Сартский. – Ну, полно, не голоси, словно девка поутру! Пока служишь мне верно и честно, ничего с тобой не станется!

Он пошарил на поясе и отцепил небольшой кошелек, из которого вынул пару мелких монет и кинул их на землю перед собой. Войтыла проворно упал на колени и кинулся выбирать из пыли серебро.

– Маловато!

– Скажи спасибо, что жизнь твою до сих пор не забрал! Ты чего, торгуешься со мной? – Сартский погрозил кулаком колдуну, но поморщился от резкого движения. – Ты и так должен был спасти своего господина!

– Пан не так меня понял! Да и пристало ли пану сейчас злиться? Голова болит у пана? – Войтыла заковылял назад в землянку.

– Да! – Магнат осторожно потрогал огромную шишку на затылке. – Как же я так? И все же я там видел кое-что странное... Не могу вспомнить... Кстати, а конь мой где?

– Так конь в чаше сгинул! – Войтыла вынырнул из землянки с деревянным ковшом, наполненным темным густым отваром. – Маловато, я говорю, пану досталось, раз жив остался! Пусть пан выпьет, и пану полегчает!

Сартский осторожно принял ковш, стараясь не расплескать отвар, подозрительно прихотился.

– Там не отравка! – Колдун мелко затрясся от беззвучного смеха. – Неужели пан думает, что я специально тащил его, чтобы здесь отравить?

– Да можешь ли ты вообще отравить?! – Сартский в ярости соскочил, отброшенный ковш покатился по земле. – Я приказал тебе сжить со свету командора! И что? Где он? Там, куда твои руки не дотянутся! Ты не колдун, а шарлатан, я велю посадить тебя на кол, как вора, плута и мошенника!

– А пан уряд разве сам выполнил? – Войтыла прищурился: он несколько не испугался гневной отповеди магната, прекрасно понимая, что он ему нужен живым. – Пшемишек ходил в Старицу за звездной рудой, что я давал пану вместе с командорской цепью, но его взашей люди пана вытолкали! Но я, если пан будет щедр, скажу, где командор!

– Я и сам знаю, где Верг! Вот! – Сартский швырнул сверток. – Там твоя руда! Делай что хочешь, только он должен сгинуть в Запретных землях!

– Сгинет, пресветлый пан, сгинет! – Колдун, осторожно подобрав, спрятал сверток за пазуху. – Но пока он там, панове, следовало бы Белогорье к своим светлым рукам прибрать! А то не ровен час, потом поздно будет!

Колдун доковылял до каменного очага и жестом подозвал магната. Сартский нехотя подошел и остановился в нескольких шагах.

Войтыла бормотал что-то, низко склонившись к тлеющим углям, на которые он вскоре аккуратно положил небольшой кусок темной руды, той самой, что привез ему Сартский.

– Рука пана пресветлого нужна! – Войтыла проскрипел не оборачиваясь. – Кровью пана нужно брызнуть, чтобы заклятие подействовало! И голова перестанет болеть сразу, как кровь отворю!

– А твою кровь нельзя использовать? – Магнат недоверчиво смотрел на начавший снизу багроветь кусок руды.

– Можно, – пожал плечами колдун, – но тогда и власть над Вертом моя будет!

Сартский, немного подумав, закатал рукав и протянул колдуну запястье. Войтыла, шепча заклинания, сильно дернул на себя, так, что магнат чуть не потерял равновесие.

– Полегче! – Сартский поморщился, когда колдун провел ножом по коже и зачарованно глядел, как падающие капли крови, шипя, запекаются на поверхности.

– Завяжи, пресветлый пан! – Войтыла отстранил руку назад. – Все! Свершилось!

– Обойдется! – Сартский оглядел почти свернувшуюся кровь на порезе, натягивая сверху рукав. – И не такое заживало как на собаке...

Внезапно позади раздался шорох, и магнат резко отпрянул: за спиной стояла ослепительной красоты девушка, одетая в простое платье, босоногая и простоволосая.

– Агнешка, доченька! – Колдун растянул морщинистые тонкие губы в подобие улыбки. – Ты рано вернулась...

– Чья это девка? – потрясенно произнес Сартский, замороженно глядя в ее карие с золотым отблеском глаза. – Холопка беглая? Я куплю ее у тебя, колдун!

– Нет, пане! – Войтыла запротестовал, замахал руками. – Это не холопка, это так, приблудная! Красота ей дадена, видать, в обмен на разум, дурочка она...

– Дурочка, говоришь? – Магнат взял ее за подбородок и заглянул в огромные оленьи глаза. – Ну-ка, ну-ка...

Он бесцеремонно ощупал Агнешку, которая смотрела поверх его головы и улыбалась, помял грудь, задрал юбку, открыв садящемуся солнцу белоснежные бедра и темные курчавые кудряшки лона.

– Хороша! Девка еще или пользовали? – Закусив губу, он приценивался к Агнешке, словно покупал кобылу. – Значит, так, колдун, заберу я ее с собой, по нраву она мне! Денег тебе дам! Хворобы нет ли какой тайной?

– Что ты! – Войтыла потянул за руку Агнешку к себе. – Она мне помощница, травы собирает, по хозяйству хлопочет...

– А этот... Как его, запомятовал... Парень, что прошлый раз тут обтирался... Он же тебе помогал! – Конрад пощелкал пальцами, вспоминая.

– Пшемишек?

– Да черт с ним! Где он? Пусть тебе и помогает, а девку я заберу!

– В болоте Пшемишек сгинул, – со странной интонацией в голосе проговорил Войтыла, – а Агнешка вот и приبلудилась, не один я остался...

– Не сдохнешь! – Он, сдавив щеки, открыл ей рот. – Чего такой красоте в глухомани твоей делать? А что убогая, так мне с ней не беседы богословские вести! Вон, зубы ровные, кожа чистая, задница хороша... – Он хлопнул ее со всей силы по бедру, но она и не пошатнулась.

Войтыла замер, уставившись на руку магната, по кисти которой потянулась тоненькая струйка крови.

– Хороша! – Сартский потянул наверх рукав, успевший пропитаться темными пятнами. – Ах ты, черт...

Вдруг ноздри девушки затрепетали, словно она, как олениха, почуяла дикого зверя, по телу прошла судорога, и Агнешка застонала, закатив глаза. Опустившись на четвереньки, она немигающими глазами уставилась на капающую уже редкими каплями кровь с порезанного запястья магната.

– Тьфу ты, припадочная! – Сартский брезгливо отвернулся, затягивая платком кровоточащий порез, не заметив, как зрачки девушки сузились до кошачьих щелок, а изо рта потянулась нитка слюны.

– Так и есть, пресветлый пан, припадочная она! – Войтыла с силой за локоть потащил его на другой край опушки подальше от землянки. – Зачем пану дурочка? Пан лучше себе найдет! У пана много золота будет, когда он орденские деньги приберет...

– Да! – Сартский хлопнул колдуна по плечу. – С твоей девкой я и про Верта забыл! Как руда-то звездная действует? Что мне делать надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.